

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 8-9-2017г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

Борису Куликову — 80 лет

Здравствуйте, мои стихи!

28 августа исполнилось бы 80 лет Борису Николаевичу Куликову, известному донскому поэту, талантливому прозаику. Этому событию был посвящен праздник, состоявшийся на родине писателя, в городе Семикаракорске. У бюста Б. Н. Куликова прошла церемония возложения цветов, в музее организованы экскурсии для гостей и жителей города, в городском культурно-досуговом центре стартовал поэтический марафон. На праздник собрались представители писательских сообществ из разных уголков донского края.

С приветственным словом к собравшимся выступил председатель правления ростовского регионального отделения союза писателей России Алексей Береговой. Он выразил признательность администрации Семикаракорска за организацию подобных мероприятий, которые еще при жизни Бориса Куликова славились на всю Россию умением собирать в небольшом провинциальном городке великое множество талантливых стихотворцев.

Ведущим встречи членов Союза писателей с читателями, библиотекарями, литераторами был Игорь Ни-

колаевич Кудрявцев, долгие годы друживший с Куликовым. И. Кудрявцев поделился своими воспоминаниями

о друге, рассказал о личности и таланте Куликова-поэта, прочитал запомнившиеся на всю жизнь строки.

На празднике прозвучали стихи И. Сазоновой, Д. Ханина, П. Малова, Г. Студеникиной, Е. Арент, Л. Сухановой, А. Глазунова, Л. Андреевой и др.

Эстафету «открытого микрофона» Игорь Кудрявцев передал участникам литературных объединений города Ростова-на-Дону.

БОРИС КУЛИКОВ

За свет и радость бытия

*Когда последний лёд растает
И канет в сумрак власти
Тьма,
Над миром власть святая
станет
Любви, поэзии, ума.*

*Мне не дожить до той поры.
Но вижу я сквозь сон
столетний —
Не умирают большие дети
И ржаво стыннут топоры.*

*Мне не дожить,
Но счастлива я,
Что по сердечному велению
Я сам себя предал горению
За свет и радость бытия.*

С Днём рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших коллег, писателей и кандидатов в члены Союза писателей России, членов Литфонда России, родившихся в плодородные месяцы августа и сентября:

Хлыстову Людмилу Александровну (09.08.1951 г.);

Волошина Сергея Андреевича (15.08.1988 г.);

Шевченко Владимира Васильевича (21.08.1955 г.);

Шостко Виктора Ивановича (05.09.1944 г.);

Павленко Клавдию Ивановну (10.09.1951 г.);

Кривохижину Анастасию Васильевну (11.09.1984 г.);

Муругова Ивана Ивановича (14.09.1942 г.) — с 75-летием!

Зименко Владислава Александровича (14.09.1954 г.);

Арент Елену Линусовну (14.09.1963 г.);

Полупанова Константина Александровича (15.09.1986 г.);

Привалову Тамару Ивановну (16.09.1946 г.);

Лободину Галину Владимировну (28.09.1959 г.);

Коротееву Ирину Владимировну (29.09.1969 г.).

Желаем вам хорошего расположения духа, успехов в делах и творчестве, новых сюжетов, любви и радости в жизни!

Сами себя развлекли...

Некоторые размышления по поводу литературных юбилеев

28 августа 2017 года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося донского прозаика и поэта Бориса Николаевича Куликова.

В усадьбе Б. Н. Куликова

По этому поводу в субботу 26 августа на родине Бориса Николаевича в городе Семикаракорске состоялись юбилейные торжества, в которых «приняла участие» и делегация Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

Изначально была задумка: в день празднования юбилея провести в Семикаракорске поэтический фестиваль в том виде, в каком он проводился при жизни Бориса Куликова, который неизменно был в числе его организаторов. Это было масштабное событие, хотя в организационном плане весьма простое.

Хочу напомнить, как это происходило. В августовский день фестиваля в Семикаракоры прибывала делегация поэтов и прозаиков Ростовской областной писательской организации, со всех концов Ростовской области приезжали многочисленные поэты-любители и просто ценители поэзии. Приезжали поэты Москвы, Краснодара, других регионов. В назначенный час — обычно в одиннадцать часов утра — все собиравшиеся в районном Доме Культуры, Борис Николаевич произносил приветственное слово, читал пару стихотворений, и фестиваль начинался. На сцене оставался один ведущий (у союзных поэтов это был обычно В. И. Фролов), он

поочередно вызывал на сцену коллег-поэтов, и те читали свои стихи. После профессионалов выступали любители. Все, кто хотел.

Это был фонтан поэзии, фейерверком переливались стихотворные строки, поэзия заполняла воздух древних Семикаракор. Зал всегда был полон зрителей, среди которых, наряду с прибывшими любителями поэзии, сидели и аплодировали чтецам местные жители. И никому не было скучно.

Фестиваль длился долго — часов до пяти-шести вечера, потом всех гостей приглашали на одну из баз отдыха, где их ждали ужин и ночлег.

Зная современное негативное отношение к писателям на литературных праздниках в Вёшенской, Кочетовской и Пухляковском, учитывая характер самого Бориса Куликова и надеясь возродить замечательный куликовский фестиваль, уверенные, что найдём в Семикаракорях любовь к поэту и поэзии, уважение к писателям, в понедельник 21 августа мы поехали на заседание Оргкомитета празднования юбилея в Семикаракоры, которое проводил заместитель главы Администрации Семикаракорского района, и вот тут сразу же столкнулись с каким-то странным сопротивлением.

Мы ничего не требовали, не ставили никаких условий, не просили транспорт, еду, ночлег. Мы только попросили дать нам три часа времени в программе праздника и сцену в помещении Дома Культуры. Как при Куликове. Самым удивительным было то, что особо яростное сопротивление нашему участию в праздновании шло от... Марии Борисовны Куликовой — дочери поэта, которая, как оказалось, писала сценарий празднования, и, естественно, места в нём для нас не находилось. Её враждебность по отношению к нам, к нашему Союзу, членом которого был Борис Николаевич, заряжала всех присутствующих на заседании административных чиновников, сначала она была для нас просто необъяснимой. Но, как оказалось позже, это было только началом того агрессивного отношения к нам и нашему участию в юбилее.

По её сценарию донских поэтов и писателей полностью должны были заменить приглашённые из Москвы Валерий Лагунин, Аршак Тер-Маркарян и местные поэтические таланты. Всё же замглавы Администрации поддержал нас: пообещал выделить зал в ДК и три часа времени, с учётом того, что после нашего выступления будет объявлен «Открытый микрофон», на котором выступят все желающие поэты, в том числе и местные, семикаракорские.

На том и порешили. Обменялись визитками, номерами телефонов и отбыли спокойно заниматься организационными вопросами.

(Окончание на стр. 3)

Стихи читает поэтесса Л. Суханова

объявлен «Открытый микрофон», на котором выступят все желающие поэты, в том числе и местные, семикаракорские.

На том и порешили. Обменялись визитками, номерами телефонов и отбыли спокойно заниматься организационными вопросами.

(Окончание на стр. 3)

В номере:

Б. Куликову — 80 лет;
Фестиваль на родине
Б. Куликова. Алексей Береговой
«Сами себя развлекли».
Стр. 1

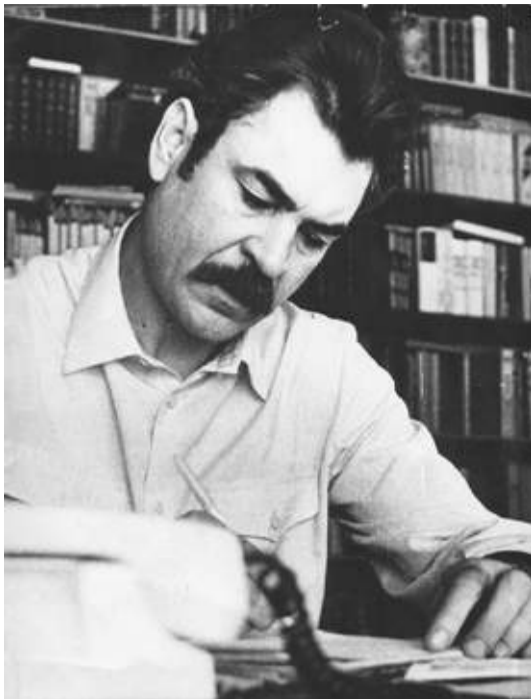
В. Воронов. «Житие Куликова»;
Л. Малюкова. Воспоминания;
Памяти поэта. В. Моисеев.
Стр. 2

Фестиваль на родине
Б. Куликова (окончание);
Г. Ерёмин. «В гостях
у Владимира Барвенко».
Стр. 3

И. Муругов. «Дедова шашка»;
Новые стихи. Елена Арент.
Стр. 4

Людмила Хлыстова
«Дитя природы». Рассказ.
Стр. 5

Павел Малов
«О стихах Елены Арент»;
Стихи для детей
К. Павленко, И. Коротеева;
Т. Александрова-Минчакова
«Обидчивый ёжик». Сказка.
Стр. 6

Борис Куликов (1937 – 1993)

Я был в гостях у Бориса в начале 80-х, в качестве корреспондента газеты «Советская культура», готовил большую беседу с писателем под популярной рубрикой «Взгляд из провинции». Перед этим в газете прошли публикации с Калининским и Закруткиным.

Борис только вселился в новый двухэтажный коттедж, подаренный районными властями. Это был знак признания земляков. Поэт был в расцвете сил, у него намечались большие планы. Работал он с пяти утра и до обеда. Книжки выходили одна за другой.

В самом разгаре шла работа над романом «Кондратий Булавин». Борис работал в архивах, читал, делал выписки из редких книг, исторических хроник. Я впервые увидел у него прижизненные издания трудов донских историков В. Д. Сухорукова, Е. П. Савельева, писателя и историка Дона Петра Краснова, одного из первых поэтов Дона Е. Кательникова.

Поэт, библиофил и знаток книги Борис Примеров был одним из близких друзей Куликова. Он говорил, что в Ро-

к 80-летию Бориса Николаевича Куликова

Казак донской, станицы Семикаракорской!

Из воспоминаний В. А. Воронова (Житие Куликова)

...Борис Куликов не успел в полной мере реализовать себя, как писатель. Тяжёлая болезнь и ранняя смерть остановили полёт этого талантливого жизнелюбивого и вольного человека. Но он создал свою неповторимую страницу в истории современной литературы. Его поэзия — это Семикаракоры, Донщина, родное пепелище, народная разговорная речь, казачья прямота и афористичность мысли. Его проза — это народные характеры, казаки, экстремальные жизненные ситуации, ярко выраженная нравственность, жажда любви и правды. Все эти качества характерны и для самого автора. Его книги — житие Куликова, им самим написанное.

Тогда же, в своей библиотеке на втором этаже Борис с горечью говорил о своих товарищах-ростовчанах:

— Наши братья-писатели невежественны, мало читают, мало знают. Посмотри на рифмы поэтов С. или К. Примитивно, убого. Словарный запас мизерный. Никакого понятия о культуре стиха! И нет желания учиться.

Общение с Куликовым не закончилось в его библиотеке. Поэт пригласил меня в станицу Новозолотовскую, где была намечена встреча с читателями-земляками, творческий вечер. Борис надел отутюженные светлые брюки с плетённым ремнём, белую нейлоновую рубашку с запонками, обулся в кожаные мокасины. Взял подмышку гармонь-двухрядку, сунул в карман томик стихов. В условленное время подъехал автоклуб.

Во дворце культуры собрались человек сто, и ещё подходили женщины с детьми, школьники, пожилые люди...

Борис стремительно вышел на середину, поставил гармонь на столик и поднял руку:

— Здравствуйте, мои дорогие! С этого мгновения я увидел другого Куликова, и уже не мог оторвать глаз. Борис был статен, порывист, удал и прямота светились в глазах. Его голос, жесты завораживали внимание, он по-хозяйски брал в свои руки зал, незримо подчиняя его своему обаянию. Он был тамадой, заводилой, первым парнем...

Кто я такой? Казак донской, станицы Семикаракорской! Он читал, говорил, как говорят в

своей семье, среди своих, близких. И его слушали, как брата, как сына, как своего представителя в большой культуре. Борис понимал это, чувствовал поддержку и любовь земляков. Гордость светилась в его осанке, осознание силы в лёгком движении плеч.

Уверенно берёт в руки гармонь, пальцы бегут по клавишам.

Из-за Дона песню выведу,

По России поведу...

И — стремительный переключ:

Пели!

Пили

И хмелели

На веселье! В добрый час!

Чтобы каждый гордо понял,

На своей земле живём!

И — овация, рёв восторга. В моей памяти он и остался таким, на сцене, в станичном клубе. Молодым, в белой рубашке, с гармошкой. Грубоватый бас с хрипотцой:

— Здравствуйте, дорогие мои!

Земляки любили своего поэта.

Гордились им.

...Хоронили Бориса Куликова морозным и снежным мартовским днём 1993 года. От районного Дворца культуры до кладбища гроб несли на руках. За гробом до самой могилы шли сотни людей. Среди них ростовчане, москвичи. Скорбели все Семикаракоры. Это были народные похороны. Борису было всего 54 года.

Сегодня в центре Семикаракор, рядом с Дворцом культуры на гранитной колонне стоит небольшой бюстик поэта. Решением местных властей земляки увековечили память о своём певце.

ком меня взрастили. / И выше счастья доли нет./ Я нужен матери России!». Особенно ярко для меня открылся Борис Куликов в повестях «Поздние раки» и «Облава». Думаю, это апогей его творчества. В конце 80-х я вела Круглые столы в журнале «Дон» и эти повести перечитывала дважды, они врзались в сознание актуальной необходимостью разрешения экологических проблем и «переустройством» человеческого фактора.

70-80-е годы были эпохой литературных корифеев Дона (Шолохов, Калинин, Семин, Закруткин, П.Шестаков...). Но имя Б. Куликова не затерялось в донской писательской панораме. У него была своя путеводная звезда, которая светила ему до конца дней так, как положила причудливая судьба.

И ещё мне вспоминается последняя наша «невстреча», печальная и грустная. Прекрасный особняк Союза Писателей на Пушкинской. Я в конце просторного зала разговариваю с А. Обергынским. На другом конце поэт Лена Нестерова и кто-то незнакомый. Она что-то говорит с чувством, как это она могла, гладит его по плечам. Незнакомый мне тяжело поднимается и шаткой походкой идёт к выходу. Даже на расстоянии видно, как он бледен, и как запало его лицо. «Куликов, недавно приехал из Москвы. Лечился», — лаконично сообщает мне мой собеседник. «Господи! Неужели... И не узнала!» Мне хочется крикнуть и остановить его. Но я в оцепенении, а он уходит. Больше мы никогда не встречались. Потом был опубликован некролог.

меня весна придёт». Чей-то одинокий голос дуэтом подхватил её, остальные слушали, как «диковину». В конце обращаюсь к певцу: «Что так грустно?» «А можно и весело!» — отвечает он с задором. И заводит «про Марусю», у которой «русая коса»... С невероятным притяжением «разговоры» длятся «без оглядки» на время. И вдруг в каком-то зажённом азарте он обращается ко мне: «А ты — не казачка! Наверное — полячка. Но всё равно, казаки женились на полячках». И он переходит внезапно к Гоголю, его повесть «Тарас Бульба», к трагической истории казака Андрия и несчастной панночки, потом к страницам «Тихого Дона», объявлению войны и, как казначий офицер сдерживает от слёз жену-полячку. И что-то ещё, что память уже растеряла. Меня поражает его блестящая эрудиция, оригинальность мышления и при этом невероятная «экспрессия». Всё это безошибочно проявлялось в его выступлениях по ТВ и перед «живой» аудиторией. Поражала и открытая искренность. Когда он произносил: «Все мои предки — казаки — / От них фамилия моя. / У них — от поля Куликова./ И статья, / И кость./ И в драке злость./ И в песне то самозабвенье...» он был, несомненно, «биографичен». Но, когда признавался в своих чувствах: «Я без ступи и мыслить себя не могу!» или «Любовь моя. / И боль моя Россия./ Тревога каждодневная моя», его нельзя было обвинить в празднословии: искренность чувств не вызвала сомнений. Невозможно было не верить и его максималистскому откровению: «Поэт там я / Иль не поэт, / Но каза-

ЛЮДМИЛА МАЛЮКОВА

По страницам несгораемой памяти

(Всё, что помню о Борисе Куликове)

Я не была с ним близко знакома. В памяти остались лишь фрагментарные впечатления. Но как бывает: когда-нибудь и где-нибудь мелькнёт вдруг в толпе незнакомое лицо или волею судеб оброненная кем-то яркая фраза — и осталось это в тебе навсегда каким-то не тускнеющим светом, время от времени напоминая о себе.

Как сейчас, помню: первый курс университета. Огромный переполненный зал строительного института по Социалистической (РГУ всегда арендовал за неимением своего просторного помещения). Идёт комсомольское собрание. На трибуне секретарь «ведёт» отчёт о работе за истекший год: девушка вся в очень «строгом», а её гладко зачёсанные волосы мне напоминают Н. Крупскую. Я слушаю рассеянно: мне это неинтересно — речь сухая, «канцелярская». В конце она говорит что-то о недобросовестном отношении к комсомольской работе её заместителя. И вдруг на трибуну не поднимается, а скорее взлетает тот, кого обвиняют в «развале». Его фамилия я не услышала, но весь «образ» с первых слов, с первых жестов, словно приковывает (о таких говорят: «без волнения внять невозможно»). Он хорошего роста, строен, его речь необычайно эмоциональна. Зал затих. Но вот с трибуны доносится «решительная» фраза: «А «К» со мной подло поступила!» Выступающий ударяет кулаком по трибуне так энергично, что стакан с водой со звоном разбивается о

паркет. Зал взрывается! Аплодисменты, смех и топот разрывают тишину. Я слышу, кто-то рядом произносит его фамилию: Борис Куликов, пятикурсник. Мгновенно повеяло чем-то исконно русским, как от «поля Куликова» с его безграничной ширью, удалью и неиссякаемой силой.

Шли годы. И всё чаще это имя появлялось не только на страницах периодических изданий донского края, но и за его пределами. Русский «размах» прорывался во всем: в поэзии, прозе, песенном даре, выступлениях и даже в кинематографе. ... Только что вышел на экран фильм о Пугачёве. Волею судьбы я оказалась на одном «домашнем вечере». Внезапно с шумом открылась дверь и на пороге двое: без труда в одном из них узнаю — Куликов! Он мало изменился с тех студенческих лет. Запомнился его рассказ о съёмках фильма: «проба» на Пугачёва не состоялась. Но роли его сподвижника-бунтаря он удостоился. До сих пор я уверена: это истинный Пугачёв. Говорю ему об этом без всякого желания подстроиться. В ответ хитро и с достоинством улыбается: «Меня и загримировали так, чтобы не узнали. Иначе было бы в фильме два Пугачёва». Он буквально «электризует» атмосферу, все нити разговоров тянутся к нему так, что прервать их кажется невозможно. Помню, как в разгар вечера он запел сильным приятным голосом малоизвестную тогда казачью песню «Не для

9 сентября — годовщина ухода из жизни самобытного донского поэта

Владимира Валентиновича Мусеева

Душа не на месте.

Вправьте!

Ведь есть же в миру костоправ.

Вправьте!

И станем братьями.

Это — крепчайший сплав.

Вроде бы, всё сложилось.

Даже облизан лезвием.

Но рвется у жизни жилы —

душа —

не на месте.

А может быть, это так надо, чтоб с ветром летала душа, чтоб звёздам была, как награда, наивно смеясь и греша?

В. Мусеев

Незабытые имена

Гарнакерьян Ашот Георгиевич (04.08.1907 – 26.12.1977), поэт, член СП СССР — 110 лет со дня рождения.

Учился на литературном факультете Ростовского педагогического института. Писать начал в 1930-х годах. За 50 лет творческой работы опубликовал более 50 сборников стихов и поэм. Многие его стихи посвящены Донскому краю.

Булатов Георгий Яковлевич (24.08.1947 – 25.01.2001), поэт, член СП — 70 лет со дня рождения.

С юных лет писал стихи. В 1973 г. Г. Булатов окончил филологический факультет Ростовского университета и посвятил себя профессии журналиста. С 1975 по 1993 г. работал в районных и многотиражных газетах Казахстана, Курской и Ростовской областей.

Русиневич Константин Владимирович (29.09.1917 – 23.07.2004), поэт, член СП — 100 лет со дня рождения.

Участник Великой Отечественной войны. В 1945 году Константин Владимирович переехал на постоянное жительство в Ростов-на-Дону. Творчество К. Русиневича — это эмоциональное осмысление прожитых лет, переживания ужасов войны, любовь к родине и окружающим людям.

Кондаков Александр Алексеевич (12.09.1922 – 14.06.2012), прозаик, член СП СССР — 95 лет со дня рождения.

Участник Великой Отечественной войны, профессиональный военный, преподаватель. Своё творчество посвятил, в основном, трудным будням Советской Армии.

Скрёбов Николай Михайлович (24.09.1932 – 03.03.2015), поэт, член СП СССР, СП — 85 лет со дня рождения.

Работал журналистом в нескольких местных изданиях, был принят в Союз журналистов СССР, преподавал теорию и практику печати на вечернем и заочном отделениях историко-филологического факультета РГУ. С 1963 по 1991 г. был членом редколлегии журнала «Дон». За годы литературной деятельности было издано более двадцати стихотворных сборников Николая Михайловича Скрёбова. В 1996 г. Н. М. Скрёбову было присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Сами себя развлекли...

(Окончание. Начало на стр. 1)

Но не тут-то было! Уже в среду мне позвонила Мария Борисовна и начала говорить какие-то несуразности о каких-то мнимых наших негативных высказываниях по поводу самого юбилея. Когда я спросил, откуда такая информация, она отключила телефон. Естественно, наш Оргкомитет встревожился, и мне пришлось написать на имя Главы Администрации Семикаракорского района В. Н. Талалаева письмо, где снова выразить свои просьбы о предоставлении зала и трёх часов времени и попросить дать нам возможность выступить отдельно, не смешивая с другими выступающими. И больше ничего.

В четверг мне снова позвонила М. Б. Куликова и уже совсем раздражённо стала говорить какую-то чушь, вроде того, что «вы всем недовольны и прислали целый набор претензий (!!!) по поводу своего участия...», что мы собираемся приехать в Семикаракоры для того, «чтобы унижать своим снобизмом талантливых местных поэтов», что «если при папе в ростовском отделении СП России ещё было несколько поэтов, то сейчас там их нет совсем, а вот у нас, в Семикаракорях, есть очень талантливые поэты...», что «вы не должны читать папины стихи, их будут читать местные (один даже священник) чтецы», что «у вас в Союзе всего два-три человека знали папу, а у нас таких много, и они хотят выступить, и почему это они должны ждать три часа, пока вы наговоритесь, — три часа для вас — это очень много...», что «папа не зря издавал свои книги в Москве, потому что не хотел связываться (!!!) с вашим Союзом...» Ну и много ещё чего. На подобную ересь трудно было отвечать.

Но заключительным аккордом прозвучали её слова: «У вас не будет зрителей...» На что я ответил: «Да, если вы постараетесь, зрителей у нас, конечно, не будет. Но если наше участие вам так не нравится, мы можем вообще не приезжать и отметить юбилей Куликова в Донской публичной библиотеке — там у нас зрителей будет достаточно...»

Экспозиция в честь 80-летия Б. Куликова

Через два часа она мне снова позвонила и, уже несколько сменив тон, сказала, что это у неё реакция на наши претензии (!!!) и что нас всё же ждут в Семикаракорях. Видимо, с кем-то был разговор. Казалось, инцидент был исчерпан. Ан, нет...

Ростовское региональное отделение Союза писателей России благодарно Министерству культуры РО и лично нашему куратору Софье Михайловне Гуськовой за помощь при получении двух микроавтобусов для поездки писателей в Семикаракоры, чему все писатели были несказанно рады. Каждый хотел вспомнить Бориса Куликова добрым словом, познакомиться семикаракорцев со своим творчеством.

В субботу делегация писателей отделения в количестве 22 человек, среди которых были представители Ростова-на-Дону, Новочеркаска, Шахта, Таганрога, Сальска, Волгодонска, Азова, к 12 часам прибыла к месту проведения юбилейных торжеств. Свою работу она начала с возложения цветов к памятнику выдающемуся

Шахтинские литераторы в гостях у члена Союза писателей России Владимира Барвенко

Уютная старинная станица Раздорская, утопающая в зелени садов и кустарников...

Здесь проживает известный донской писатель Владимир Барвенко.

Владимир Владимирович — коренной шахтинец, в прошлом организатор и главный редактор телевизионного канала «З3». Его произведения «Гон», «Проснуться и забыть», «Блистательный жираф» и другие широко известны и популярны у шахтинских читателей.

Стихи Бориса Куликова читает Д. Ханин

донскому прозаику, поэту, артисту Борису Николаевичу Куликову. После чего делегация переместилась к месту своего выступления — к Дому Культуры, но не районному, где всегда проводились фестивали, а — Рыбаков. Да, Бог с ним, с районным ДК, были бы помещение да слушатели. Очень хотели поэты донских городов встречи с жителями Семикаракор. Но опять не тут-то было.

Для выступления писателей, рядом с просторным зрительным залом, музейными щитами-стендами отгородили небольшое пространство фойе, поставили штук тридцать стульев, примерно третья часть которых так и осталась пустыми, повесили экран с изображением Б.Н. Куликова. Долго мы ждали зрителей, но, так как нас уже начали подгонять работники ДК, пришлось начинать.

Поэты читали стихи Куликова, декламировали собственные произведения фактически самим себе. В этом небольшом, отгороженном от большого зала пространстве помимо членов Союза оказались лишь, тоже прибывшие из Ростова, члены литобъединений «Окраина», «Дон» и «Созвучие», да человек 5-6 сотрудников ДК. Никакой семикаракорской публики не было и в помине, как и не было местных поэтических талантов. Устроители юбилея рубанули шашкой по мероприятию и расчленили его тело на две, не связанные между собой части. И потому мы читали стихи ростовским литобъединенцам, а затем те — нам. Так и проходил этот «юбилейный поэтический фестиваль». Типа того, как проходят новогодние концерты на нашем ТВ, когда российская попса сама себя развлекает: одни поют, другие им аплодируют, потом всё наоборот. Не зря сказала Мария Борисовна: «У вас не будет зрителей».

Я спросил у заведующей библиотекой: где же зрители?? Та пожала плечами. «А вы писали афишу или объявляли как-то о нашем выступлении?» — снова интересуюсь я. «Нет, — ответила она. — Афиша есть, но на ней указано, что здесь — она показала рукой на пустой зрительный зал — пройдёт торжественное заседание, посвящённое юбилею Куликова. Начало в 18 часов». То есть, аж через два часа после окончания, с таким трудом отведённого нам, времени. Наша «нужность» на этом мероприятии была «подтверждена» окончательно.

Справедливости ради хочу отметить, что руководство ДК организовало нам небольшой фуршет, которого мы не просили и не ради которого ехали. Но всё же хочется сказать за него спасибо.

Дальше состоялась, пожалуй, самая важная часть нашей поездки. Автобус с писателями ушёл в Ростов, а мы, четверо:

Писатели в гостях у вдовы М. Д. Куликовой

Самобытность В. В. Барвенко в необычайной многогранности его творческих интересов. Поэт, прозаик, публицист, критик и — что особенно важно — каждой из этих граней его таланта присуще точное и острое чувство времени.

В. В. Барвенко видит свою задачу в том, чтобы запечатлеть, отобразить новые приметы нашего нелегкого времени. В каждом его творении необычный, интригующий сюжет, неожиданности, сюрпризы, что привлекает в его книгах.

Шахтинские литераторы из литобъединения имени Алексея Недогонова посетили писателя в день его рождения, и пообщались с ним в тени фруктового сада за широким столом.

Владимир Владимирович делился опытом с гостями: давал им деловые советы по выбору тематики произведений, работе над художественными средствами языка. В свою очередь члены литобъединения имени А. Недогонова, Людмила Бардашова, Галина Воронова, Раиса Максимова, Алексей Заратуев и другие прочитали свои стихи.

А ростовчане Лариса Лаухина и Виталий Шевченко дополнили приятную встречу исполнением музыкальных произведений.

На встрече присутствовала также жена «короля комедии» Михаила Пуговкина — Ирина Константиновна, которая приняла самое активное участие в беседе о литературе.

Побывали шахтинцы и в Раздорском краеведческом музее, обладающем богатейшей экспозицией, посвященной быту донского казачества.

Встреча оставила самое теплое, незабываемое впечатление.

Галина Ерёмкина, руководитель ЛТО им. А. Недогонова, кандидат в члены СПР, г. Шахты

поэты Игорь Кудрявцев, Галина Студеникина, Ирина Сазонова и я, решили посетить вдову Бориса Николаевича Марию Дмитриевну Куликову, с которой мы с Кудрявцевым знакомы уже много лет. По прекрасному, живописному и очень зелёному проспекту имени Бориса Куликова подъехали к её дому. Кудрявцев нажал кнопку звонка. Дверь открыла... Мария Борисовна... Она посмотрела на нас таким взглядом, что, если бы им можно было убить, Кудрявцев пал бы смертью храбрых. Пробормотав: «Нам некогда, мы собираемся на торжественное собрание...» — она по всему, собралась не пускать нас в дом, но тут в коридоре появилась Мария Дмитриевна. И сразу всё переменялось, словно солнце стало ярче, и настроение взлетело вверх, — настолько была видна радость на лице вдовы, наверное, такая же радость цвела и на наших лицах. Сразу как-то всё вернулось к литературе, к тем дням, когда был жив Борис Куликов. К его делам. Вспоминали самого Куликова, Бориса Примерова и других его друзей, ростовских писателей Фролова, Калинина, Закруткина, Коркищенко, Шестакова...

Мария Борисовна, бросив в нас при матери резкую фразу: «Вы целую неделю доставали меня своими звонками, выражали свои претензии!» — удалилась куда-то в глубину квартиры (к чему была эта ложь? Ну, да пусть она будет на её совести, если она, конечно, у неё есть!), а мы вышли в изумительно зелёный двор с большим садом — делом рук Марии Дмитриевны — и долго разговаривали о прошлом, о настоящем. Словно воздух переменялся. Потом она, казалось, забыв о предстоящем торжественном собрании, провожала нас до машины, мы долго прощались, фотографировались.

Как говорится, хорошо то, что хорошо кончается. Только ради этой встречи уже необходимо было съездить в Семикаракоры. Жаль только, что дочь Бориса Куликова, человека принципиального, прямого и честного, оказалась в стане наших противников...

Теперь, когда я выполнил свои репортёрские обязанности, надо бы подвести итог тому, ради чего всё это было написано. Мне часто задают один и тот же вопрос: «Почему, как только ведущую роль в праздновании юбилеев наших выдающихся писателей начинают играть их дети или внуки, тотчас же из этих праздников исчезает их литературная составляющая: литература, как явление, искусственно заменяется казачьим фольклором, а писателей, коллег просто начинают игнорировать. Как сказал один наш писатель, мгновенно приватизируют Калинина, Шолохова, теперь вот Куликова. Ладно, чиновники, у них свои понятия о праздниках, им легче прислать поющих и пляшущих казачков, заткнуть ими дыры в программах, как бы законно освоить через них выделенные на праздник деньги, но дети, внуки писателей, выросшие в писательских семьях? Почему так? Откуда у них понятие о том, что они лучше всех разбираются в литературе,

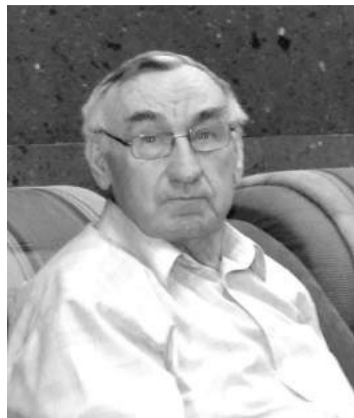
откуда эта ревность, неуважение и неприязнь к писателям, к организации, членами которой были их отцы и деды? А ведь не уважать писательскую организацию своих отцов и дедов, — это, прежде всего, не уважать их самих. Или они, вопреки своим знаменитым предкам, уже научились по-современному извлекать из событий выгоды лично для себя, добирать через них нереализованные амбиции? Только достойны ли они их? И откуда это понимание, что казачий фольклор может заменить литературную составляющую юбилея писателя? Да, Куликов по рождению был казаком. Да, Калинин — тоже. Да, Шолохова тоже можно назвать казачьим писателем, хотя по рождению он казаком не был. Но ведь прославились эти люди не за казачьи дела, как, например, генерал Платов, а своим литературным творчеством, через свои книги стали они известными писателями! Казаков тысячи, а знаменитых казачьих писателей — единицы, и на празднованиях их юбилеев подменять их писательскую сущность, которую сегодня может представлять лишь писательская организация, в которой они состояли, песнями и плясками толп непрофессиональных певунов и танцоров, — это, прежде всего, проявлять неуважение к самому себе.

Слава Богу, что в Ростовской области сохранился ещё один праздник, посвящённый литературе, поэзии, где всё ещё любят поэзию, уважают писателей. Называется он «Поющее лето». Место проведения — станица Мечётинская Зерноградского района. Проводится он в честь выдающегося нашего поэта Бориса Примерова, друга Бориса Куликова. Проводится он на очень хорошем литературном уровне. Может быть потому, что у Бориса Терентьевича нет прямых наследников и некому из родственников писать сценарии его юбилеев, некому ревновать?

Всё может быть. Будем надеяться на лучшее.

Одно положительное явление этой поездки утешает: теперь наши молодые поэты лучше будут знать поэта Бориса Куликова, и не только, как писателя, но и как человека, — они побывали на его Родине.

Алексей Береговой, председатель правления РРО СП России

ИВАН МУРУГОВ
г. Ростов-на-Дону

Муругов Иван Иванович состоит в Союзе писателей России с 2014 года. Прозаик. Живёт и работает в г. Ростове-на-Дону. Родился И. И. Муругов 14 сентября 1942 года в Сталинградской области. Имеет выдающуюся трудовую биографию, за производственную деятельность на ответственных постах и за творческие достижения отмечен государственными наградами. Литературным творчеством Иван увлёкся в школьные годы, но первые публикации появились в зрелом возрасте. Рассказы И. И. Муругова можно прочитать в альманахах «Дон и Кубань», «Донские волны», других коллективных сборниках. Впоследствии автор обратился к крупной прозе. С 2008 по 2017 гг. у него издаётся семь отдельных книг (романы, повести, рассказы). Сегодня мы представляем отрывок из повести писателя «Дедова шашка».

Сердечно поздравляем Ивана Ивановича Муругова с юбилеем, желаем здоровья, успехов и творческого долголетия!

Редакционная коллегия литературной газеты «Донской писатель».

Дедова шашка

Отрывок из одноимённой повести

к 75-летию писателя

новые стихи

Елена Арент
г. Таганрог

ДВА ОКОШКА

Бессонница

До зари, дождями хороводя,
Ночь качала мой притихший дом.
Только мне, как летней непогоде,
Не спалось и думалось о том,
Как не просто жить в ладу с судьбою,
Стоит безнадёге волю дать,
Но без слёз и боли не понять,
Что любовь и ста бессонниц стоит...
А над колыбелью городскою
Раннего июня благодать.
Шумный дворик детворою полон,
Стриж гнездо под старой крышей
вьёт,
День погожий поднимает полог,
Отпуская прошлое моё.

Два окошка

Ветром тёплым встревожены —
В рамках — стёкла.
Зиму долгую прожили,
Светом тёплым
Дали выпоив дальние,
Понемножку
Приоткрылись, оттаяли
Два окошка.
То признанья, то жалобы —
Сердце сердцу —
Не мутны, не заржавлены
Два озера.
Полонённые тучами,
Вешним снегом,
Всё глядят, неразлучные,
Небо — в небо.
Беспокойными стражами
В доме отчем,
Словно мамыны влажные
Очи, очи.

Зов реки

Нам сон воображение ль морочил?..
Там, распаяясь мартовским агонем,
Уже ворчал и глыбы льда ворочал
Вод безымянных дух неугомонный.
Сплетались там и холодность, и
страстность,
И ветренность, и тишь — игра, стихия —
И много слёз, и много слов
прекрасных...
Дни межсезонья, странные такие,
Кому-то были серы, неприметны
И в одночасье приняты не всеми,
А мы благословляли воздух этот
И зов реки весенней...

Снега растут

Неодолимо безголосы,
Живём за пазухой зимы,
Но всё надеемся на вёсны,
Безлюбьем зим приземлены.
Ну сколько можно, сколько можно
Нам по свободе тосковать?
Снега растут, растревожит
Распахнутого моря гладь,
И солнцем день воспламенится,
Поманит вдаль — и в том резон...
Мы вновь — восторженные птицы,
Летающие за горизонт.

В станицу прибыл немецкий полковник с помощником. К концу дня он потребовал показать ему реку Дон.

— Хочу посмотреть Дон и искупаться в нём.

— Есть у нас хутор на Дону, искупаетесь и посмотрите красивых казачек, — предложил полицай Михайло, который помогал размещать в станице приехавших немецких офицеров.

— С красивыми казачками занимается мой помощник, майор Зингер, — засмеялся полковник, указав на офицера.

— Я читал роман Шолохова «Тихий Дон». В 1934 году его перевели на многие языки мира и на немецкий тоже. Замечательный роман, его можно сравнить с таким русским произведением как «Война и мир» писателя Льва Толстого. Женщина-казачка — это глубокая тайна, — пояснил майор.

— Едем, — подал команду полковник.

— В охрану берём троих солдат, — доложил полицай.

— Партизан там нет, достаточно одного солдата. Я поселись рядом с господином полковником, — высказал предложение помощник.

— Разместим. Есть два дома на примете, — закивал Михайло.

Подъезжая к хутору, полицай мечтал: «Настю сегодня «обломают», а потом она будет моей, никуда не денется». Они подъехали к дому Настя.

— Принимай, хозяйка, гостей. Господин полковник будет жить в твоём доме, а я и господин майор с солдатом у твоей свекрови.

— Красивая казачка! Постараемся открыть её глубокую тайну, — посмотрев на Настеньку, ухмыльнулся полковник. — Идите, майор Зингер, располагайтесь, я поужинаю с хозяйкой. Имя твоё? — грубо обратился он к Насте.

— Настя, — засуетился ещё не ушедший полицай Михайло. — Её свекровь — Мария Петровна. Она тоже помогать будет ей, а у Настя ребёнок, она ухаживает за своей матерью его кормить. Всё будет, как вы приказали: я тоже поселись поблизости.

— Не надо никого кормить, только меня хорошо кормить и любить, — потребовал полковник.

— Так и будет, — со злорадством посмотрел Михайло на Настю.

Майор с солдатом и полицаем ушли устраиваться на ночлег в доме Марии Петровны. Полковник указал на принесённые солдатом рюкзаки:

— Накрывай на стол и корми меня, и так каждый день.

Настя разобрала рюкзаки, сменила простыни на кровати:

— Здесь будете спать, — указала она на кровать.

— Стобой, Настя, спать и любить будем, — обхватив её, заулыбался полковник.

— У меня — муж и сын, я люблю только их, — резко вырвалась из его объятий она и стала готовить ужин.

После ужина полковник в сопровождении майора Зингера и солдата отправился купаться. Полюбовавшись донским закатом, недолго поплескавшись в реке, полковник поморщился:

— Холодная вода.

Они вернулись в хутор на ночлег. Полковник потребовал срочно хозяйку Марию Петровну пришла и объяснила:

— Настенька ушла кормить ребёнка, что вам приготовить, постирать, помыть — я исполню.

— Без моего позволения никто не уходит, особенно Настя. Мне женщина нужна, ты... — Он сорвал с неё платок и разорвал кофту на груди. — О! Ты молодая и красивая, моложе меня на три-четыре года, а может, и больше, — удивился полковник.

Немец схватил её и потащил в спальню. Мария Петровна пыталась вырваться, но сильные руки полковника сковывали её усилия. Он стал срывать одежду, восхищаясь её фигурой и телом. Вдруг офицер ударил Марию Петровну кулаком в лицо. Она ударилась головой о пол и потеряла сознание. Полковник на полу изнасиловал женщину. Удовлетворившись, он оттащил её в чулан, закрыл на крючок дверь и лёг спать.

Утром, подходя к своему дому, Настенька увидела отъезжающих в станицу фашистов и спряталась. Дождавшись, когда они уехали, вбежала в дом свекрови и, увидев её, ужаснулась:

— Мама, кто вас так избил?

— Полковник ударил меня в лицо, я упала. Смотри вот синяки, ссадины на лице, на руках, на груди.

— Приставал, фашистская рожа?

— Доченька, как я посмотрю в глаза Виктору Михайловичу? Что скажу ему? Мне стыдно тебе говорить. Этот фашист меня изнасиловал. Я ничего не помню. Я очнулась в чулане, еле дошла до дома. Промыла отваром зверобоя лицо, ссадины, синяки. Лекарств нет никаких в доме. Никому не рассказывай, доченька. Как буду жить с этим? Жить не хочется, — заплакала Мария Петровна.

— Успокойтесь, мама. Это война, фашисты не щадят никого. Этого гада — фашиста я зарублю топором, — со злостью проговорила Настя. — Скоро придут наши. Приляжьте, мама, отдохните, а я пойду к Вите.

Придя в дом матери, она собрала свою и сына одежду.

— Куда, дочка? — спросила Екатерина Фёдоровна.

— Потом расскажу, — уклонилась от ответа Настенька и снова побежала к Марии Петровне. Та немного оправилась от ночного стресса.

— Мама, если полковник опять приедет сегодня, не ходите к нему. Я сама накормлю и напою его.

— Доченька, будь осторожна с ним, не связывайся. Я слышала, что наши в сорока километрах от станицы. По утрам слышны выстрелы и взрывы — фронт приближается. Пережить надо это тяжёлое время. Дождаться своих. Тебя и Витю надо бы спрятать в надёжное место. Но куда?

— Не переживайте, мама. Всё обойдётся...

К приехавшему вечером полковнику Настя вышла с улыбкой, но в душе «скребли кошки». Улыбка удивила его.

ЛЮДМИЛА ХЛЫСТОВА

г. Таганрог

Дитя природы Рассказ

Юлька родилась из-за нужды. Пообещало государство выплачивать материнский капитал за второго ребёнка, и её мать, сорокалетняя, замордованная жизнью Катерина, произвела её на свет. Отец Юльки — Витёк, смуглявый и молчаливый, был в постоянном подпитии, так что и не понятно, где он работал и работал ли вообще.

К тому времени, как они поселились в домике на соседнем с нашим садовым участке, у них подрастала шестилетняя дочь Лена. Дом был небольшой, без удобств, но двухэтажный. Прежний хозяин держал на втором этаже пчёл. Выкупить участок у семьи не было денег, и они взяли дом вместе с садом в аренду.

Иногда мы зазывали к себе Леночку, чтобы поиграла с нашей старшей внучкой Сашей. Когда обедали, приглашали и её за стол, но девочка дичилась, разговаривала односложно, стеснялась.

Первый год зимовали трудно. Витёк рыскал везде в поисках дров, чтобы поддерживать в постройке, не рассчитанной на долгие морозы, сносную температуру, тащил во двор всё деревянное, выпрашивал по соседям спиленные деревья. Благо, сады старые, и этого добра хватало.

Потом пообвыкли, стали пробовать разводить уток, кроликов, гусей.

От уток стояла вонь на всю округу, так что о свежем дачном воздухе пришлось забыть. Мы меж собой роптали, но что поделаешь, людям надо выживать. Через год они сами отказались от проблемной живности. Может, прожорливые питомцы получились им не по карману.

Витёк завёл кроликов. Клетки росли, как грибы. Казалось, пошло дело. Зверьки такие забавные, милые. Хрумят себе потихоньку. Но однажды, ранней весной, за два дня передохли все: и взрослые кроли, и молодняк. Какая-то хворь их свалила, говорят, с ушастыми грызунами такое случается.

То-то беда была. Все усилия бедолаг, все чаяния обернулись в прах.

Только через год соседи решились завести гусей. Но о них — своя история.

А сейчас речь о Юльке, прелестном и презанятном создании, получившемся у «неудачных» родителей.

Когда я впервые увидела полугодовалую девчушку на руках у отца, я в неё просто влюбилась — такой славный, красивенький это был ребёнок. Белолицая, с круглыми розовыми щёчками, с тёмно-каштановыми кудряшками — ангел, а не человеческий детёныш.

Мы с мужем не фанаты дачного участка, приезжаем сюда по мере необходимости. И как-то так случилось, что я Катерину не видела беременной. И вдруг — во дворе у них пелёнки сушатся!

— Юлей назвали, — на наш вопрос заулыбался Витёк.

Через год Юлька, загорелая, голопузая, уже бегала по участку босиком. Долгое время почти не говорила. На нас поглядывала с опаской и любопытством. Спросишь что-нибудь — молчит. Крепенькая, с теми же тёмными кудрявыми волосами, с живыми глазками, симпатичная. В кого такая? Катерина и до родов красивой не была, а после — вообще не узнать. Безжизненное, с багровым отливом лицо; очень худая и долговязая, она ступала неслышно, как тень, почти никогда не здоровалась и не заговаривала. Курила. Я поражалась её совершенной плоскости, которую подчеркивали одетые на ней узкие серые кофточки. Витёк тоже красотой не отличался, обыкновенный мужик.

А девчонки — на глядень! Леночка тоже смазливая. К тому времени она уже была подростком. В её обязанности входило присматривать за сестрёнкой, но делала нянька это без охоты, и шустрая Юлька лазила по всем закуткам двора, в котором порядка никогда не бывало. Катерина редко случалась дома, работала в городе на рынке. Витёк то спал с перепоею, то где-то шатался.

Я ужасалась, когда видела, как малышка, босая, забиралась на кучу мусора, среди которого попадалось и битое стекло, и заглядывала к нам через сетку, что разделяла наши участки.

— Слезай, — в панике кричала я. — Порежешь ножки!

Но она в недоумении смотрела и не отходила, ждала, когда я протяну ей через забор что-нибудь вкусенькое.

На четвёртом году Юлькиной жизни Бог «совершил оплошность» и «развязал» ей язык. Теперь она болтала без умолку, всё знала, всех поучала и, если приходилось, отчаянно спорила с соседями. У неё был доступ на все близлежащие сады, хозяев она знала по именам, подгадывала свой «визит» к обеду или к чаю и в накладе никогда не оставалась.

Юлька прибежала к нам, неумытая, непричесанная, как только «засекала» наш приезд. За ней смешно подпрыгивал рыжий пушистый щенок.

— Что делаешь? — каждый раз спрашивала она.

— У нас первым делом здороваются, — пытался воспитывать её мой муж Иван.

Она игнорировала его замечание и увязывалась за мной следом.

— Поливаешь? Молодец, — поощряла Юлька мои действия. — А где Алёнка?

— Дома.

— В следующий раз привези!

Алёнка — наша внучка. Она всего на полгода младше Юльки, но разница между ними разительная. Алёнка — беленькая, голубоглазая, спокойная, ласковая. Юлька — кареглазая, темноволосая, кудрявая, бедовая и настёрная.

Когда они копаются в нашей песочнице, у соседской девочки оказывается лучшее место и лучшие игрушки. Юлька командует, во что играть, первой бросает игру и подбивает Алёнку на «догонялки». Тут уж прошай мои клумбы и грядки!..

— Я тоже поработаю.

Вот, гусяткам травы нарву, — Юлька бросается щипать газонную травку.

Тут-то пришло время вспомнить про гусей. «Гусятки» — уже хорошо подросшие гуси, которые живут за загородкой, прилегающей к нашему сетчатому забору. Обычно они важной «делегацией», гордо вскинув шею, оживлённо «обсуждают» наше появление. Уже третий год соседи разводят своих солидных птиц. Видно, это главная статья их доходов.

Но нам гуси причиняют немало хлопот. Как только Иван ни укреплял забор, частенько, подъезжая к своему участку, мы обнаруживаем одного-двух «лазутчиков», пасущихся на нашем огороде. Каким образом, они, довольно большие, пролезают под сетку — неведомо. С криком, гамом мы с трудом изгоняем заповоленно мечущихся птиц с нашей территории, и тогда из дома выбегает Лена, старшая сестра Юльки, и забирает нарушителей.

Каждый вечер гусей выпускают на аллею погулять, пощипать траву вдоль дорожки.

Как-то смотрим, один, что попроворнее — раз, к нам под ворота нырнул и — к винограду.

Я на него:

— Куда?! А ну давай отсюда!

А сама гусей с детства боюсь. Давным-давно меня, пятилетнюю, гусак погонял.

Иван ворота открыл, с другой стороны подгоняет пришельца. Птица — ко мне. У меня в руках пустое ведро оказалось, я им замахиваюсь на гуся, тот — бежать. Я его ведром к сетке заборной прижала, а взяла боюсь. Гусь блажит, истинно потерпевший. Иван ворота придерживает, кричит:

— Давай его сюда!

Ага! Давай!

И тут Юлька выскакивает опротягу со своего двора, нагишом, на бегу поясняет:

— Я потому голая, что купаться собралась. Сейчас я его!..

Хватает гуся за крылья и потащила впереди себя домой. Тот гогочет, вырывается, но малая крепко держит, только возле своей калитки выпустила:

— Иди уже!

А гусь и рад, ринулся со страху в загородку, натерпелся бедолага!..

И собратья его, всполошённые: «Га-га-га! Возмутительное! Никакой демократии!..»

... Юлька газон наш прореживает, зелень через забор бросает своим ненасытным «лапчатым», а сама приговаривает:

— Поработаем и будем обедать. Я жрать хочу!

— Ты хотела сказать «кушать», — поправляю я.

Девчушка — ни да, ни нет. Смотрит удивлённо: почему у них так говорят, а у нас это неправильно.

Когда начинаю накрывать на стол, Юлька бдительно следит за моими движениями.

— Для меня тарелку взяла? — придирчиво спрашивает она, когда разогретая еда благоухает на столе. Глазки рыжие, плутоватые, как тараканчики.

Я внутренне поражаюсь её хваткости: такая не пропадёт! Она уже с ложкой за столом.

— Надо тебе учиться считать, — говорю я. Накладываю в тарелку мужу, потом ей — мясо, овощи, жареное яйцо.

Гостья принимается обстоятельно есть, пускается в рассуждения:

— У нас ничего нет. Еды нет никакой. Папке на бутылку хватает, а на мороженое ребёнку — нет.

Я молчу. Наверное, Юлька повторяет слова матери. Вчера вечером у соседей был скандал. Витёк матерился, Катерина кричала, что у неё нет денег.

— Вкусно, — хвалит Юлька и вылезает из-за стола.

— Спасибо, — подсказывает ей Иван, но она уже несётся к соседям напротив: там подъехали на машине Ольга и Вадим.

— Бабушка Оля! — радостно кричит Юлька.

— Здравствуй, моя хорошая! — обнимает её соседка и увлекает к себе на дачу.

Через полчаса маленькая бестия с рёвом бежит жаловаться.

— Дед водой из шланга ноги мне облил.

— Вадим? Пошутил, что ли?

— Нет. Нарочно. Он плохой.

— Вода холодная? Ты обиделась?

Она, насуспенная, кивает.

— Ну, иди, поиграй в песочнице, — я достаю игрушки внучек.

Юлька ковыряется в песке. Сделает «пасочку» и лопаткой рассечёт. Бурчит под нос:

— Скажу папке — он его убьёт!

Ого! Заявочка... Или мне послышалось?

— Юля! — кричит с крыльца Лена. — Иди домой! Малая не откликается.

— Пусть она в песке поиграет! — говорю я старшей. — Или она тебе нужна?

Леночка машет рукой, дескать, кому она там нужна! — и скрывается в доме. Ей уже четырнадцать. Она сильно вытянулась, начала формироваться. У неё свои интересы. По мобильнику всё время звонит какому-то Славику.

Юльке быстро надоело возиться в песке. Ребёнок нуждается в общении.

Помню, на прошлой неделе появилась я на участке после долгого перерыва. Смотрю, бежит ко мне, сломя голову, Юлька:

— Фух! Наконец-то приехала! Будет хоть с кем поговорить!

Вспомнив, что Ольга объясняла ей, что ко взрослым надо обращаться на «вы», спрашивает:

— А ваш дед — что будет делать?

Иван несёт через двор лестницу.

— Какой дед? — как будто не понимаю я.

— Ну, твой дед!..

— Дедушка Ваня? — Юлька Ивана побаивается.

— Да, Ваня.

— Это ты у него сама спроси.

Юлька молчит, потом, ни с того, ни с сего выдаёт:

— Мама тебя не любит.

— Почему?

Юлька соображает, что сболтнула лишнее, уводит разговор в сторону:

— А тебя Алёнка любит?

— Любит. И я её люблю.

— А меня мама любит. Кого ж ей ещё любить? — вздыхает она. — Меня и любит.

Я думаю о нечаянных словах Юльки. С чего она сделала вывод, что Катерина меня не любит?.. А с чего ей меня любить?

У меня всё есть: семья, муж — непьющий, дети взрослые, самостоятельные, престижная работа, свой дом.

Машиной перехожу к малине. Зимой она подмёрзла, долго болела, и вот начала отходить, появились первые ягоды. «Хорошо, — прикидываю я. — С горсточку наберётся, порадую Алёнку».

Юлька замечает ягоды.

— Хочу малины! Можно?

— А у вас своей, что же, нету?

— Нет, — мотает головой.

— Ну, бери, — вздыхаю, — кушай!

В самом деле, Алёнке в следующий раз привезу...

Вот и вечер. Готовимся уезжать домой. Я собрала остатки еды, спрашиваю у Юльки:

— У вас же есть щенок? Вот ему...

— Шарик? Его папка убил. Был пьяный и убил, чтоб не тявкал. Он всех бьёт: и меня, и маму, и Лену. У Лены с шеи цепочку сорвал и выбросил.

Заметив ужас в моих глазах, успокаивает:

— Да ничего! Лена уже новую цепочку себе купила.

Я отворачиваюсь и вижу: мимо нашего сада идёт Катерина, голову склонила, как пристыженная, тащит тяжёлые сумки для гусей. А спина — ровная, будто доска, в мою сторону не смотрит.

Я говорю тихо:

— Глянь, кто...

Юлька оборачивается.

— Мамочка! Моя мамочка приехала! — и мчит за ней, не разбирая дороги.

Я задумчиво смотрю ей вслед. Ей только четыре, а она уже личность. Бесстрашная, хитрая, напористая, уверенная в себе. Она набирается ума в среде, где слабые и вежливые не выживают. Этот ребёнок интуитивно чувствует, что цепляться за жизнь надо уметь самому, не рассчитывая на чью-то поддержку.

Пройдёт несколько лет, и она в любом коллективе даст «сто очков вперёд» изнеженным благовоспитанным городским детям.

Павел Малов
г. Ростов-на-Дону

На самом краешке тепла, или
О чём грустит Елена Арендт

Эссе

В 2015 г. увидели свет два пер-
вых, малоформатных стихотворных
сборника талантливой таганрогской
поэтессы Елены Арендт, по которым
её и приняли в Союз писателей
России: «Песчаный берег» и «После
долгих зим». Несмотря на испе-
ляющую, почти субтропическую
жару, лето 2015-го для писатель-
ницы ростовского отделения СП России
было весьма плодотворным. Многие
издали новые книги стихов или про-
зы. Одни — для вступления в Союз
писателей, другие — для себя... и
читателей, конечно. Следующий,
високосный 2016 г. был не менее
урожайным: Елена выпустила ещё
две книжки: «Островок» и «Дорога».

Не знаю, может, я не прав, но,
ознакомившись со всеми четырьмя
изданиями, я пришёл к выводу, что
сборник «После долгих зим» — клю-
чевой в понимании особенностей
поэтического творчества Елены. Ве-
роятно, слишком мало тепла было в
её жизни, поэтому она так бережно и
трепетно обращается со словом, осо-
бенно — поэтическим, то же несущим
читателю тепло — душевное:

«Ещё в ознобе удила, / скрипят
цепями карусели, / пустынный парк —
не до веселья, / лишь мы, / продрогшие,
присели / на самый краешек тепла».

(«Ещё не слышно журавлей», сб. «По-
сле долгих зим»).

В последней строчке — вся Елена
Арендт с её строгостью, неприязнате-
льностью, добротой и какой-то, пусть
даже кажущейся, наивной неспособно-
стью к жизни в нашем суровом, особенно
последние несколько десятилетий, мире.

Отгородившись от суетных, повсед-
невных страстей мира сего (опять же,
моё чисто субъективное восприятие),
поэтесса пишет, в основном, о природе,

почти не касаясь остросоциальной,
политической и прочих современных
тем. Даже проблему войны (вероятно
в Донбассе) она решает по-своему —
через те же картины донской природы,
как например, в стихотворении из
книги «Островок»:

Наземь опрокинутое небо —
и на миг примолкли стрижи...
Где-то вдали, за полем хлебным,
скошена снарядом чья-то жизнь.

Здесь — продолжение сельского
образного ряда. Коль хлебное поле, то
обязательно — «скошена», но не пше-
ница — чья-то жизнь! Поэтесса мастер-
ски применяет звукопись: «скошена
снарядом». Подобные технические
приёмы стихосложения придают стро-
ке мелодичность, что наглядно говорит
о тонком, интуитивном поэтическом,
почти музыкальном слухе автора.

Елена вообще-то мало и скупо пи-
шет о войне (Великой Отечественной),
это, вероятно, не её тема, но то, что
написано — впечатляет точностью,
внутренней выстраданностью и сопри-
частностью к всенародной российской
трагедии. Это, конечно же, стихотворе-
ние «Дороги войны» (сб. «После долгих
зим»). Редко чьё лирическое произве-
дение запоминается, после прочтения
книги. Гладкопись и мелкотемье многих

современных стихотворцев навевают
если не откровенную скуку, то убавки-
вающую дрему, не трогая за живое. Но
стихи Елены, особенно такие — заво-
раживают, сразу врезаются в память.

Начинается стихотворение плав-
но и неторопливо, с перечисления:
«Пехота, обозы, танки... / Дороги тя-
жёлой свитой / изношены до изнанки,
/ до вод грунтовых избиты». Нарас-
тающий постепенно вал образного
ряда (неподражаемо осязаемый, ярко
предметный, где — «...слякоть — под-
вижной ртутью, / и пули — илой сви-
нцовой») заканчивается неподдельно
искренним, пафосным обобщением:

И кланялся мир прощённый
под залпы своих орудий
дорогам войны, мощёным
брусчаткой солдатских судеб.

Здесь впечатляет — заставляю-
щий глубоко и серьёзно задуматься,
необычный в этом специфически
мировом стихотворении, можно ска-
зать православно-религиозный эпитет
«прощённый». А в дополнение, из той
же церковной лексики, — «кланялся». Кланялся мир прощённый... Тут что-то
от Прощёного воскресенья, праздника:
в этот день православные верующие
просят друг у друга прощения — чтобы
приступить к посту с доброй душой,
сосредоточиться на духовной жизни,
очистить сердце от грехов и с чистыми
светлыми помыслами встретить Пасху.

Елена не просто уходит, скрывается
от неприглядной действительности на
бескрайних степных просторах своего
воображения. Она самозабвенно любит
донскую природу, иначе бы так про-
никновенно не написала: «...донская
степь, до донышка родная...» («Степь»,
сб. «Островок»). Поэтесса не только
любит, но и олицетворяет природу, при-
родные явления. И это закономерно на
замкнутом островке её жизни, где так
мало человеческого тепла и так много
зимней, холодной грусти: «Снега слабость
и плакать медлили...» («Весна», сб. «До-

рога»); «Злы и замкнуты дни в декабре...»
(«Декабрь», сб. «После долгих зим»); «Лю-
товала вчера ещё, / нынче сникла зима...»
(«Раставший лёд», сб. «Дорога»); «...луна
— изгой» («В ночи, где луна — изгой», сб.
«Дорога»); «...по-детски всхлипывало
утро». («Капли», сб. «Островок»).

Но после долгих зим бывают и от-
тепели, и тогда — вместе с весенним
пробуждением природы — расцветает
и душа поэтессы. Вот — самое харак-
терное из этого цикла:

Неяркий, соломенный,
дымчатым облаком меченый,
над тихим заливом
усталого солнца закат,
неспешно ступай
по шпичному полю —
навстречу мне,
по пряному лугу
с загадочным пенем цикад.

(«Закат», сб. «Островок»).

Поэтесса безупречно владеет тех-
никой стихосложения, умело приме-
няет составную рифму, что придаёт
её лирическим строкам ещё большую
свежесть, неповторимость, звучность:
«меченый — навстречу мне», «жил ли
— кружили», «сколько их — осколка-
ми», «вчера ещё — оживающей».

Как уже видно из приведённых
выше примеров, стихи поэтессы
очень образны, они буквально перена-
сыщены сравнениями, метафорами
и эпитетами: «Сползёт с домов
полуночный грим»; «Сентябрь при-
мерял золотой парик...»; «переулки
онемелые»; «К подолу января прильнёт
колодий холод...»; «...и медлят строч-
ки слиться воедино, / на сотни звёзд
Вселенную дробя»; «...и губы вновь
целуют / губы поющих флейт».

Елена старается не философствовать
попусту, но каждое стихотворение, где
она размышляет о жизни, мире (в смысле
— обществе), любви, своих внутренних
ощущениях и тревогах — откровение!
И это не голословное, — вот наглядные
подтверждения: «...и ночь, как ожи-

дание, длинна...» («Ожидание», сб.
«Островок»); «О прожитом, о сокровен-
ном, / о снах, о вере, о весне — / волненья
страстного Верлена / перекликаются
во мне...» («О прожитом...»); ««До-
рога»»; «Научи меня, жизнь, / слышать
сердцем бессмертное слово, / среди пира
чужого / себе не казаться чужой» («На-
учи меня, жизнь», сб. «Дорога»).

И наконец, почти классическое:
Бывает, изранит грусть —
сорвусь в маету дорожную,
состава дожждусь, и пусть
куте заведёт о прожитом. («Бывает,
изранит грусть...», сб. «Островок»).

Фантомы одиночества, грусти,
тоски, горя навязчиво преследуют по-
этессу на протяжении всего творчества.
И поэтому проскальзывают иногда в
стихах нотки горечи и разочарования:
«А там, за горизонтом, горя нет?...»
(«За горизонтом», сб. «Песчаный
берег»); «Иду, не гоноу говорливой, /
прихлынувшей к сердцу тоски» («Бе-
рег», сб. «Песчаный берег»); «...мой,
из детства, тряпичный клоун, / по-
грусти обо мне иногда» («Тряпичный
клоун», сб. «Дорога»).

Но в последнем отрывке чувствуется
уже не разрывающая сердце грусть, а
добрая ностальгия по беззаботному,
улыбчивому детству. И смешной и наив-
ный, самодельный тряпичный клоун
— уже не горькая утрата, а домашний
музейный экспонат, светонесная память
о прожитом. Ну, а грусть из эпиграфа к
сборнику «Дорога» (последняя строфа
стихотворения «Загадаю встречу») —
уже не грусть отчаявшегося одино-
чества, а, хоть и слабая, но надежда на
исполнение загаданного: «Время скоро-
течно, / только не ропщи, — / загадаю
встречу / с тем, о ком грущу».

Пожелаем же поэтессе непременно
встретиться с этим загадочным
инкогнито, и больше никогда ни о
чём не грустить.

2016 — 2017 гг.

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВА-МИНЧАКОВА
г. Миллерово

ОБИДЧИВЫЙ ЁЖИК Сказка

Жил-был маленький ёжик. Симпатичный, с чёрными глазками-бусинками и острым носиком, который постоянно что-то вынюхивал и мило морщился. Ёжик считал себя добрым, но никто этой доброты не видел, потому что он был очень обидчивым. Если ему что-то не нравилось или настораживало, он наклонял головку и выставлял свои колючки.

— Ой, какой ты злой ёжик, колючься всё время, — сердились на него зайчата и бельчата, с которыми он иногда играл на полянке.

— А зачем вы меня всё время обгоняете?! Я тоже хочу быть первым! — оправдывался ёжик.

Но зверушки прогоняли его и не хотели с ним играть.

— Мама, ну почему меня не любят?! Я ведь добрый, а колючки сами колотятся, когда я обижаясь, — жаловался маме-ежихе маленький ёжик.

— А ты не обижайся понапрасну, а лучше попробуй сделать для друзей что-нибудь хорошее. Угости их чем-нибудь вкусным. Твои колючки не только колотятся, на них можно принести угощение, собирай в лесу ягод, грибочков, упавших орешков...

Ёжик хотел порадовать друзей, но в то же время оставалась обида: «Они меня прогоняют, злым обзывают, а я для них стараться буду!» — подумал он и не послушал маминого совета.

Однажды он сидел под сосной и представлял, как весело сейчас играют дру-
зья на полянке. Ему было очень одиноко. И тут к нему подкралась хитрая лиса.

— Ой, какой хорошенький ёжик, — ласково произнесла она.

Ёжик насторожился и тут же свернулся клубком.

— Какие у тебя симпатичные колючки, — продолжала лиса. — Маленький, прехорошенький ёжик, а давай я тебя покатаю, тебе очень понравится...

И она слегка толкнула его лапой. Он медленно покатился по лесной тропинке. «Как здорово! Какая замечательная и добрая лиса, совсем не боится моих колючек и играет со мной», — подумал ёжик. Но всё же, на всякий случай, он не показывался из своего колючего убежища.

Недолго он катился. Неожиданно лиса злобно произнесла:

— А теперь, глупый ёжик, ты поплаваешь в речке и высунешься из своих колючек! Через секунду ёжик беспомощно барахтался в воде, а лиса старалась ухватить его за лапку.

— Спасите, помогите!.. — звал на помощь испуганный ёжик.

набирали в лесу ягодок, грибочков, орешков, даже дикую морковку для зайчиш-
ки отыскали и принесли всё это на своих колючках к полянке, где играли зверята.
— Как хорошо, когда есть настоящие друзья! — приветливо сказал малень-
кий ёжик. — Спасибо вам за то, что из беды меня выручили.

Окружили зверушки ёжика, радуясь, что он жив и невредим.

— Смотрите, что мы с мамой для вас приготовили. Угощайтесь, пожалуйста! Только осторожно снимайте, не наколитесь нечаянно!

Порадовались друзья гостинцам, поняли, что ёжик вовсе не злой, а просто
немного обидчивый.

С тех пор ёжик всегда дружно играл со зверятами на полянке и, даже если
иногда обижался на кого-нибудь, своих колючек не выставлял!

ИРИНА КОРОТЕЕВА
г. Ростов-на-Дону

* * *

Прихожу домой с продлёнки,

Ну, а мамы дома нет...

Я, конечно, понимаю —

У неё авторитет.

Знаю точно я, что мама —
Самый лучший счетовод!

Но, поверьте, очень трудно

Встретиться нам целый год.

Понимаю, что для мамы

Все задачи по плечу.

Дайте отпуск моей маме

Отдохнуть я с ней хочу!

к началу учебного года

КЛАВДИЯ ПАВЛЕНКО
г. Ростов-на-Дону

Дружба

Соседский Серёжка
с вороной дружил.

И дружбою каждый из них
дорожил.

Товарищи были
немного похожи,

Она, как Серёжка,
картавила тоже!

Но вот как-то раз
заболел мальчуган,

А птица подумала,
дружба — обман!

Три дня не видала
ворона Серёжку.

Не шёл он гулять,
не сидел у окошка.

Но только на шаг
отступила простуда,

Как он сотворил
настоящее чудо:

Подвинул к окну
потихонечку стул,

Вороне «держись, я приду», —
подмигнул.

Газета писателей Ростовской области

Гл. редактор Людмила Хлыстова
Редакторы В. Морж, О. Губарева
Над выпуском работали:
П. Малов, К. Павленко, А. Попова
Верстка П. Малова
Фото В. Хлыстова

Номер подписан в печать 07.09.2017 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1
т. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59;
donpissatel@yandex.ru

Общественная редакционная коллегия:

А. Резванов — министр культуры РО,
К. Баштовая, А. Береговой, В. Воронов,
А. Глазунов, В. Зименко, О. Лозбенева,
Л. Малюкова, К. Павленко, А. Попова,
Г. Студеникина, Д. Ханин, Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и альманаха «Дон и
Кубань» можно прочитать на сайтах: www.donpissatel.ru и www.donlib.ru

За достоверность предоставляемой
информации несёт ответственность автор.
Точка зрения редакции не всегда со-
впадает с некоторыми утверждениями
в публикациях.

Рукописи принимаются только при
использовании буквы «Ё», в прозе —
длинных тире, в поэзии — коротких, ка-
вычки должны быть такого образца «».

Газета издаётся при поддержке
Министерства культуры Ростовской
области.